К25 1/42

Рѣчь Горскова
о
Кириллѣ и Меѳодіѣ

РѢЧЬ

К25 1/42

ЧИТАННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОЕДИНЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

И

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

СЕКРЕТАРЕМЪ ОБЩЕСТВА

Е. В. Барсовымъ

6 АПР. 1885 ГОДА

ВЪ ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ПАМЯТИ

СЛАВЯНСКАГО ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СВ. МЕѲОДІЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1885 г. кн. 4-я.

Достопочтенное собраніе!

Настоящій праздникъ есть праздникъ не только вѣры, но и науки. Церковь Русская ликуетъ въ честь славянскихъ первоучителей отъ моря и до моря. Русскій народъ молится и покланяется имъ отъ мала и до велика. Исторической наукѣ остается лишь сказать свое слово, которое бы историческимъ лучемъ озарило всенародное сознаніе и внесло историческій смыслъ во всеобдержное всероссійское ликованіе.

Минута слишкомъ торжественна и слово потому слишкомъ отвѣтственно!

Но въ области научныхъ изслѣдованій о Славянскихъ первоучителяхъ еще есть такъ много неяснаго и нерѣшеннаго, столько разныхъ мнѣній и гаданій взаимно себя отрицающихъ, что для вполнѣ точной и строго научной оцѣнки всѣхъ явленій ихъ просвѣтительной дѣятельности представляются неодолимыя затрудненія. Это даетъ нѣкоторое успокоеніе моему смущенному сердцу, что вы, благородные мужи науки, съ добрымъ снисхожденіемъ отнесетесь къ недостаточности моего слова, которое не въ силахъ ни отвѣчать торжественности этой минуты, ни выразить по достоянію вашего свѣтлаго и высокаго настроенія.

Тысяча лѣтъ миновала со смерти первоучителя Меѳодія. Легко сказать: «тысяча лѣтъ» но трудно себѣ представить это необъятное пространство времени самымъ богатымъ воображеніемъ. Тысячу разъ въ этотъ періодъ земля совершила свой бѣгъ кругомъ солнца; сотни тысячъ разъ успѣла повернуться кругомъ своей оси. Высохли рѣки и озера; не разъ въ своихъ составахъ обновились океаны. А сколько человѣческихъ жизней зарыто въ могилахъ! Еслибы для всѣхъ изчезнувшихъ поколѣній, по древнему обычаю, насыпать курганъ на курганѣ, то, кажется, высота ихъ простерлась бы до неба и самая

земля измѣнила бы центръ своей оси. Но среди всеобщей смерти въ природѣ, нѣтъ смерти для человѣческаго духа. Великіе люди, какъ и великія дѣла, не умираютъ въ исторіи. Въ этой способности народовъ помнить и созерцать образы этихъ людей въ ихъ великихъ, возвышенныхъ и святыхъ чертахъ, отметая въ нихъ все шероховитое, слабое, плотяное, кроется тайна жизненности человѣческаго разума, его идеаловъ и всякаго нравственнаго прогресса. Бываютъ эпохи народныхъ обновленій, когда эти люди и ихъ дѣла, при новыхъ теченіяхъ жизни, какъ бы выпадаютъ изъ памяти народовъ, но лишь затѣмъ, чтобы когда завершится обновленіе, вновь воскреснуть въ ихъ сознаніи съ новою силою и новою живучестію.

Славянскіе первоучители никогда не умирали для святой Руси и на святой Руси. Въ каждый историческій періодъ они жили въ народномъ сознаніи въ ликахъ и образахъ, ярко отражавшихъ направленія русской исторической жизни.

Минуетъ новая тысяча лѣтъ; пройдутъ новыя сотни вѣковъ и къ тогдашнимъ поколѣніямъ эти великіе люди лишь будутъ стоять родственнѣе и ближе, чѣмъ видимъ ихъ мы, и грядущіе мужи науки, быть можетъ, въ этомъ же святилищѣ высшаго знанія, въ такомъ же точно торжественномъ собраніи, будутъ яснѣе сознавать и глубже чувствовать связь своего нравственнаго бытія съ ихъ великимъ дѣломъ.

Первоисточники для изученія просвѣтительной дѣятельности славянскихъ апостоловъ одни и тѣ же для всѣхъ изслѣдователей: это такъ называемыя Паннонскія житія, похвальныя слова и службы, повѣсть объ Успеніи св. Кирилла, и легенды: Солунская, Итальянская, Моравская, Чешская, Болгарская, Охридская и Македонская. Всѣ эти первоисточники въ большей или меньшей мѣрѣ стоятъ въ связи съ преданіями, ближайшими къ славянскимъ апостоламъ, но въ то же время замѣтно отражаютъ въ себѣ разнообразныя цѣли и виды, частные и условные, времени и мѣста. Я не буду занимать вашего просвѣщеннаго вниманія критическими соображеніями на счетъ относительнаго достоинства указанныхъ источниковъ: это задача ученыхъ изслѣдованій, а не публичнаго общественнаго слова. Я не намѣренъ также вводить васъ въ массу многочисленныхъ и разнообразныхъ мелкихъ вопросовъ, относящихся къ данному предмету и не получившихъ устойчиваго рѣшенія: наибольшая часть такихъ вопросовъ имѣетъ значеніе лишь въ строгой наукѣ и совершенно безразлична для общественнаго пониманія всеславянскихъ апостоловъ и оцѣнки ихъ просвѣтительной дѣятельности. Задача нашего слова скромнѣе: очертить

предъ вами могучіе, величавые, богатырскіе образы славянскихъ первоучителей, указать пути, которыми они совершили великое дѣло, и затѣмъ провести ваше вниманіе по всѣмъ главнѣйшимъ стадіямъ Русской исторіи и отмѣтить, что ихъ святыя имена всегда были дороги русскому сердцу, что ихъ святые лики всегда были чтимы на Русской землѣ, что имъ возносимы были молитвы во всѣ періоды Русской исторіи.

Кириллъ и Меѳодій явились провозвѣстниками великаго принципа усвоенія Евангелія и совершенія христіанскаго богослуженія на родномъ языкѣ славянскихъ народовъ. Съ побѣдоноснымъ проведеніемъ этого великаго принципа глубочайшимъ образомъ связана вся послѣдующая судьба и образованіе всеславянскаго міра. Устроеніе славянскихъ письменъ, переводъ Священнаго Писанія на родной языкъ, зарожденіе и первые опыты славянской письменности, преобразованіе языка, распространеніе и укрѣпленіе между Славянами христіанской вѣры, собраніе славянскихъ племенъ въ государства и наконецъ вообще пробужденіе и возвышеніе въ нихъ народнаго самопознанія и первый шагъ ихъ на поприщѣ общечеловѣческой образованности—всѣ эти событія внутренно связаны съ указаннымъ великимъ принципомъ. Проведеніе этого начала въ жизнь было новымъ крещеніемъ славянскаго духа путемъ образованія родной мысли и роднаго слова.

Но возвѣщать этотъ принципъ въ тогдашнемъ Греко-Римскомъ мірѣ—значило становиться наперекоръ его понятіямъ, преданіямъ и законамъ. Гордый Римъ, заботившійся больше о своемъ господствѣ, чѣмъ о спасеніи подвластныхъ ему христіанскихъ душъ, еще въ самомъ началѣ VII вѣка объявилъ лишь три языка, еврейскій, греческій и римскіи значившіеся на титлѣ креста, достойными быть языками Церкви Но не въ одномъ Римѣ были подобные «Пилатники». Были затѣмъ и въ Византіи, люди поносившіе славянское слово и славянское письмо. По крайней мѣрѣ не даромъ Черноризецъ Храбръ долженъ былъ доказывать, что славянскій языкъ, какъ и другіе, созданъ Богомъ и славянская азбука не только не ниже, но и выше греческой по своему происхожденію. «Словенскія письмена святѣйша суть и честнѣйша, святъ бо мужъ сотворилъ я есть, а греческая-Еллини погани.» Какое же нужно было величіе ума, чтобы стать провозвѣстниками этого великаго принципа? Какая потребна была сила духа, чтобы доставить ему побѣду въ греко-римскомъ мірѣ? Великія нравственныя

силы совершившія этотъ необычайный, богатырскій историческій подвигъ невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе.

Всѣ первоисточники указываютъ намъ, что Солунскіе братья Кириллъ и Меѳодій были высокаго благороднаго происхожденія. Въ благочестивой и просвѣщенной Солунской семьѣ не могли не жить преданія объ Апостолѣ языковъ, который основалъ Солунскую церковь и оставилъ ей два свои посланія, называя ее образцемъ для всѣхъ вѣрующихъ. Вселенскій идеалъ церкви двигавшій всею жизнію этого Апостола, видимо отразился на воззрѣніяхъ и всей дѣятельности Солунскихъ братьевъ. Рано должна была зародиться въ нихъ та сила, которая рѣшила задачу ихъ жизни и обрѣкла ихъ на всѣ страды Апостольскаго подвига ради просвѣщенія Славянскихъ народовъ, считавшихся варварами въ Царѣградѣ и Римѣ.

На добрыхъ дѣтяхъ прежде всего отражается воздѣйствіе доброй матери; она своимъ мыслящимъ взоромъ зажигаетъ въ ихъ очахъ первыя искры разумѣнія; она своимъ ласковымъ лобзаніемъ зараждаетъ въ ихъ сердцахъ первые порывы и стремленія. Въ жизни Славянскихъ первоучителей мы замѣчаемъ именно глубокіе слѣды воздѣйствія на нихъ любящей ихъ матери. Говоря о Кириллѣ преданіе живописуетъ эту нравственную связь эпическимъ пріемомъ: тотчасъ по рожденіи—младенецъ Кириллъ отвергнулся отъ груди кормилицы и припалъ къ груди матери; онъ хотѣлъ кормиться отъ корени добраго и быть отображеніемъ ея высоко-нравственной личности. А когда онъ умеръ, на чужой сторонѣ въ Римѣ, братъ его Меѳодій вспомнилъ завѣтъ своей матери и горячо со всею ревностію духа хлопоталъ его исполнить. Тяжкимъ казалось ему лишить любящую мать старушку послѣдняго утѣшенія видѣть гробъ родимаго сына. «Святой отецъ! Взывалъ онъ къ папѣ. Когда мы покидали родную землю ради нашего служенія, мать, проливая горячія слезы умоляла насъ, что если кто либо изъ насъ умретъ на чужбинѣ, то братъ пережившій долженъ привести тѣло умершаго брата въ его монастырь и похоронить его тамъ. Да соизволитъ же твоя Святость мнѣ ничтожному выполнить этотъ долгъ, чтобы не казалось, что я противлюсь мольбамъ и заклинаніямъ матери.»

Изъ этихъ явленій глубочайшей любви Солунскихъ братьевъ къ своей матери, видно, кто впервые зажогъ въ ихъ сердцѣ Божественное пламя и сочувствіе къ дѣлу Божьему. Мы не колеблясь принимаемъ Аѳонское преданіе, гдѣ жили и подвизались Солунскіе братья, что если отецъ ихъ и былъ Грекъ, то по матери они были Славяне. Они не были только учители, проповѣдники, миссіонеры среди Славянъ. Нѣтъ; любовь ихъ къ Славянству—это была любовь прирожден-

ная, кровная. Мы увидимъ, что она ключемъ била въ ихъ душѣ; она звучала, какъ тонкій, серебристый звукъ, въ самыхъ живыхъ струнахъ живаго сердца. Языкъ Славянскій братья знали, какъ родной, а Греческому, по многимъ преданіямъ, они должны были еще учиться.

Св. Кириллъ былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени. Ребенкомъ онъ учился въ Солунской школѣ благородныхъ дѣтей, гдѣ являлся онъ «дивомъ» по изумительной остротѣ и живости своей памяти: «спѣяше паче всѣхъ ученикъ въ книгахъ памятію вельми скорою, яко и диву ему быти». Затѣмъ, благодаря связямъ и знакомствамъ при дворѣ, онъ попалъ въ число учениковъ Цареградскаго придворнаго училища. Здѣсь онъ изумлялъ всѣхъ своими дарованіями не менѣе, чѣмъ и въ родной Солунской школѣ. Здѣсь онъ скоро усвоилъ грамматику и геометрію, Гомера и діалектику, риторику и ариѳметику, астрономію, музыку и всѣ другія Еллинскія художества. Итакъ, онъ получилъ самое высшее по тому времени научное и эстетическое образованіе. Но для насъ не довольно знать того, что онъ былъ человѣкъ образованный, намъ хотѣлось бы узнать его ближе; намъ желалось бы проникнуть въ личный укладъ его духа, въ самое направленіе его образованности; въ настроеніе его понятій и чувствъ, въ характеръ его убѣжденій и стремленій. Эпоха, въ которую онъ учился въ Цареградской школѣ, отчасти объясняетъ для насъ, откуда вынесъ онъ глубокое сочувствіе къ идеямъ и идеаламъ жизни, то воодушевленіе, съ которымъ проводилъ онъ въ жизнь свой великій принципъ и которое не покидало его до конца его подвига. Въ то время преподавателемъ философіи въ Цареградской школѣ былъ Фотій, впослѣдствіи Цареградскій патріархъ, подавлявшій современниковъ своею громадною ученостію и знаніемъ древне - христіанской литературы. Самъ Фотій всегда потомъ вспоминалъ о своей педагогической дѣятельности въ этой школѣ, какъ о лучшихъ годахъ своей жизни, и эти воспоминанія всего лучше вводятъ насъ въ интересы и настроенія, окрылявшія умы и сердца его юныхъ и благородныхъ слушателей. Друзья мои, говорилъ Фотій, вѣроятно, съ чистою совѣстію будутъ *добромъ поминать меня.* Могу ли и самъ я безъ слезъ вспомнить объ этомъ? Когда я былъ дома, то съ величайшимъ наслажденіемъ смотрѣлъ, съ какою ревностію учились окружавшіе меня; съ какимъ вниманіемъ вопрошали меня; какъ упражнялись въ разговорахъ, съ помощію которыхъ пріобрѣтается навыкъ и правильнѣе выражается мысль. Радовался я, видя, какъ одни изощряли свой умъ математическими выкладками; какъ другіе изслѣдовали истину съ помощію философскихъ методъ; а третіи, изучая священное писаніе, устремляли свой умъ

къ благочестію, этому вѣнцу всѣхъ прочихъ знаній. Такова была сфера, въ которой я постоянно вращался. Бывало пойду я во дворецъ, а ученики мои провожаютъ меня до самаго входа и просятъ, чтобы я скорѣе вернулся. Считая подобную привязанность высшею для себя наградою, я старался оставаться во дворцѣ не болѣе, какъ того требовали дѣла. Когда я возвращался домой, то мое ученое общество уже ожидало меня у дверей. Тѣ изъ моихъ учениковъ, кои своими превосходными качествами пріобрѣли нѣкоторое право на короткое со мною обращеніе, замѣчали мнѣ, что я слишкомъ замѣшкался; другіе радостно меня привѣтствовали; были и такіе, которые довольствовались тѣмъ, что я замѣчалъ ихъ усердіе * Для васъ понятно, мм. гг., что ученіе въ такой школѣ не пропадаетъ безслѣдно для учащихся. Уроки, выносимые изъ такой школы не растериваются по стогнамъ града. Знанія слагаются въ убѣжденія; въ юныхъ умахъ зарождаются идеалы жизни; въ молодыхъ сердцахъ зажигаются искры возвышенныхъ стремленій и на поприщѣ исторіи являются великія нравственныя силы. Для васъ становится понятнымъ, откуда св. Кириллъ вынесъ то одушевленіе, съ какимъ онъ неустанно всю свою жизнь проводилъ свой великій принципъ распространенія среди славянскихъ народовъ Божіяго Слова на родномъ ихъ славянскомъ языкѣ.

Онъ усвоилъ, какъ мы сказали, всѣ факультетскія знанія, математическія, философскія и богословскія, преподававшіяся въ этой школѣ. Главное его сочувствіе сосредоточивалось конечно на предметахъ богословскихъ. Но и въ этой области его ученыхъ интересовъ сказывалась одна существенная и особенная черта его личнаго духа. Творенія древнихъ Греческихъ отцевъ, съ которыми знакомилъ своихъ учениковъ Фотій, такъ всесторонне знавшій древнюю христіанскую литературу, безъ сомнѣнія возбуждали всеобщій интересъ. Въ этихъ твореніяхъ христіанское вѣроученіе отражалось какъ въ призмѣ, сообразно нравственной природѣ и духовнымъ настроеніямъ ихъ творцевъ. Григорій Нисскій это была *мысль* и потому въ своихъ твореніяхъ онъ является философомъ; Григорій Богословъ былъ *образъ* и потому въ своихъ твореніяхъ является поэтомъ и созерцателемъ. Василій Великій былъ самое *дѣло* и потому въ своихъ твореніяхъ является естество-испытателемъ. Самая жизнь ихъ, сообразно особенностямъ личнаго усвоенія христіанскаго вѣроученія, сказалась въ самыхъ разнообразныхъ христіанскихъ направленіяхъ.

---

* Зерн. стр. 27. Бильб. 144.

Скажи мнѣ, говоритъ практическая мудрость, кто твой другъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ. Не даромъ, конечно, излюбленнымъ Отцемъ Церкви для св. Кирилла является не Григорій Нисскій, не Василій Великій, не Златоустъ, но именно Григорій Богословъ. Преданія передаютъ намъ, что съ ранняго дѣтства читалъ онъ и училъ наизусть его творенія; имъ пользовался онъ въ борьбѣ съ еретиками; его словами и образами выражалъ онъ свои мысли и свое вѣроученіе. Эта любовь его къ Григорію Богослову освѣщаетъ для насъ характеръ его христіанскаго міросозерцанія и направленія его богословской мысли. Стоитъ лишь воспроизвести намъ въ сознаніи образъ Григорія Богослова, его святаго друга, его излюбленнаго Отца, на которомъ онъ воспитался, и тогда станетъ для насъ понятнымъ многое и въ жизни самого Кирилла.

Григорій Богословъ былъ съ душею пылкою и прямою, не умѣвшею привязываться къ чему бы то ни было на половину и чувствовать что-бы то ни было слегка. Главная и существенная особенность его умозрѣнія состояла въ томъ, что о чемъ бы онъ не разсуждалъ, о Богѣ, или мірѣ или человѣкѣ, у него мысль объ умѣ и созерцаніи, о свѣтѣ и озареніи всегда стояла на первомъ мѣстѣ. Высоко цѣня умъ, онъ столько же дорожилъ и даромъ слова; онъ обыкновенно говорилъ, какъ вдохновенный, сильно и рѣшительно, выработалъ свой оригинальный возвышенный языкъ и заботился о томъ, чтобы каждое его слово было достойнымъ выраженіемъ его мыслей. Богъ для него былъ умъ или свѣтъ. Но этотъ Высочайшій умъ или Свѣтъ созерцалъ онъ во Отцѣ и Сынѣ и св. Духѣ—какъ солнце, лучь и свѣтъ, которыхъ» богатство въ соестественности и единомъ исторженіи свѣтлости». Сладость созерцанія, наполнявшаго его душу священнымъ восторгомъ, дѣлала для него пустыню раемъ и онъ выступалъ на общественное служеніе лишь только тогда, когда требовали того вопіющія нужды церкви и за тѣмъ снова удалялся въ свою любимую пустыню. Въ жизни Славянскаго Апостола Кирилла мы видимъ тѣже нравственныя черты. Разумѣніе Божества, какъ Тріединаго свѣта, представляетъ туже особенность его личнаго богословскаго умозрѣнія—и ученіе о св. Троицѣ служило главною темой въ борьбѣ его съ Сарацинами и жидами.Онъ, подобно Григорію Богослову, обладалъ созерцательнымъ и поэтическимъ направленіемъ мысли и дорожилъ словомъ *образнымъ* для выраженія христіанскихъ истинъ. Онъ и въ самой жизни является подобнымъ Григорію Богослову: то онъ выступаетъ на общественное служеніе, то удаляется въ уединеніе, то скрывается въ пустынѣ.

Заглянемъ наконецъ въ самое сердце св. Кирилла и коснемся той

живой струны, которая звучала въ немъ отъ раннихъ лѣтъ юности до послѣдняго вечерняго дня. Вся жизнь его была непрерывнымъ подвигомъ любви, приводившей къ свѣту славянскіе народы. Но вотъ и на склонѣ вечерняго дня, когда болѣзненная язь уже сложила его на смертную постель и когда за нѣсколько дней до своей кончины Кириллъ принялъ Ангельскій образъ, онъ непрестанно и пламенно молился и въ своихь молитвахъ поминалъ свою славянскую паству, призывая на нее Божіе благословеніе. Онъ молился воздымая руки горе, и слезы текли по его изхудалымъ ланитамъ. Господи, взывалъ онъ, услыши молитву мою и сохрани вѣрное стадо твое! Дай имъ быть людьми «изрядными» и вдохни въ сердце ихъ слово ученія твоего! Благоустрой ихъ сильною десницею твоею и защити ихъ подъ покровомъ крилъ твоихъ! Такъ молился онъ за своихъ возлюбленныхъ сыновъ, за свою славянскую паству. Въ самые послѣднія минуты онъ опять вспоминаетъ славянъ и болѣетъ за нихъ душею. Онъ опасается, чтобы братъ его сподвижникъ Меѳодій не оставилъ начатаго подвига и не ушелъ въ любимый имъ родной монастырь—Олимпъ. И вотъ лобызая его въ послѣдній разъ на смертномъ—одрѣ, онъ умоляетъ его и даетъ свой завѣтъ: «мы, брате говоритъ, тянули съ тобой одну борозду—и вотъ я, падаю на грядѣ, кончаю дни мои; ты же слишкомъ любишь нашъ родной Олимпъ, но смотри, ради его не покидай начатаго служенія—имъ ты скорѣе можешь спастись.» Послѣ этой задушевной мольбы къ своему брату не покидать святаго дѣла просвѣщенія славянской семьи, Кириллъ облобызалъ окружавшихъ его славянскихъ учениковъ и умеръ. * Нѣтъ нужды, что всѣ эти отзвуки его любви къ славянской семьѣ донеслись до насъ лишь въ отдаленныхъ преданіяхъ. Народныя преданія часто яснѣе рисуютъ жизненную правду и даютъ глубже понимать великихъ дѣятелей исторіи, чѣмъ дѣловыя бумаги и архивные акты.

Совсѣмъ иного нравственнаго уклада и направленія была природа другого Апостола славянства св. Меѳодія. Не извѣстно, гдѣ онъ получилъ свое образованіе—вѣроятно въ той же Солунской школѣ, но рано выступилъ на служебное жизненное поприще; онъ не занимался философіей, не упражнялся въ діалектикѣ, но основательно былъ знакомъ съ догматами Восточнаго православія; и если Кириллъ—былъ богословъ—созерцатель и поэтъ, подобный Григорію Богослову, то братъ его Меѳодій—былъ дѣятель практическій, подобно Василію Великому. Кириллъ обладалъ теорческимъ умомъ; Меѳодій былъ чело-

* Бильб. стр. 196.

вѣкомъ крѣпкой и непоколебимой воли. Такимъ образомъ въ этихъ двухъ самобратахъ чудеснымъ образомъ сочеталось величіе тѣхъ силъ, совокупностію которыхъ успѣшно создается всякое великое дѣло. Безъ того или другаго славянская семья европейскихъ народовъ не могла бы получить того нравственнаго историческаго бытія, къ которому они призвали ее своею жизнію и дѣятельностію. Безъ Кирилла дѣло славянскаго образованія не могло бы имѣть своего начала; безъ Меѳодія, оно скоро замерло бы и не получило своего продолженія. Это были богатырскія историческія силы, восполнявшія одна другую. Это были два буй-тура, тянущіе одну борозду на нивѣ славянской исторіи.

Съ молодыхъ лѣтъ Меѳодій былъ воеводою въ одной изъ славянскихъ областей, подвластныхъ Византійской имперіи, 10-ть лѣтъ провелъ онъ на воеводствѣ и затѣмъ сложилъ свой санъ предъ царемъ и ушелъ на Аѳонскую гору гда сталъ монахомъ, строго выполняя данный обѣтъ послушанія. Эта именно служебная дѣятельность, ставившая его лицемъ къ лицу съ текущими вопросами и разнообразными отношеніями жизни, выработала въ немъ практическій тактъ и твердость въ своихъ ясно сознанныхъ дѣйствіяхъ; преданіе доводитъ до насъ, что онъ обладалъ двоякимъ словомъ «сильнымъ и кроткимъ, сильнымъ на враговъ и кроткимъ на пріемлющія наказаніе; онъ умѣлъ строго говорить съ своими противниками и мягко съ тѣми, кои внимали его наставленіямъ; онъ переживалъ нравственныя движенія горячности, но умѣлъ подчинять ихъ своей непоколебимой волѣ.

«Труденъ и тяжелъ былъ жизненный путь Меѳодія; со времени смерти своего брата Кирилла, въ теченіи 18 лѣтъ, онъ долженъ былъ вести постоянную борьбу съ врагомъ сильнымъ и лукавымъ; ему выпало на долю вынести на своихъ плечахъ всѣ честолюбивыя ковы латино-нѣмецкаго духовенства, зародыши которыхъ уже ясно пробивались изъ подъ оболочки благочестія и религіозности. Еще не сплотили въ то время враги Славянъ свои замыслы въ одну цѣльную систему, еще въ Римѣ не было произнесено слово отверженія всѣхъ народовъ, получившихъ Христіанство не изъ Рима, и личные, частные виды и цѣли вызвали рядъ преслѣдованій и бореній тѣмъ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ были они мелочнѣе. Самая же изнурительная изъ всѣхъ опасностей была та борьба, которую объявили ему Баварскіе Епископы съ Зальцбургскимъ первосвященникомъ во главѣ; эта опасность кромѣ открытой борьбы, выражалась въ тайной враждѣ, и латино-нѣмецкое духовенство постоянно въ теченіи 15 лѣтъ, оскорбляло его цѣлымъ рядомъ несправедливостей и мучило его всякого

рода искушеніями». Я не буду омрачать вашего свѣтлаго настроенія, въ данную торжественную минуту, изображеніемъ мрачныхъ картинъ этой борьбы, краски коихъ уцѣлѣли для насъ не въ однихъ преданіяхъ, но и въ оффиціальныхъ актахъ того времени. Я не буду изчислять предъ вами всѣхъ невзгодъ, вынесенныхъ Меѳодіемъ, всѣхъ бореній, имъ испытанныхъ, всѣхъ бѣдствій имъ пережитыхъ. Достаточно вспомнить его предсмертныя слова, обращенныя къ своимъ ученикамъ, чтобы понять какъ ясное и спокойное сознаніе пережитой имъ неправды, такъ и все величіе и мужество его духа: «возлюбленныя чада мои, говорилъ онъ, вы знаете, какъ сильны еретики въ злобѣ; вы знаете, какъ искажая слово Божіе они, стараются напоить ближнихъ ученіемъ ложнымъ; вы знаете и ихъ средства, которыя они для того употребляютъ: убѣжденіе для неразумныхъ и жестокость для боязливыхъ. Я же надѣюсь и молюсь за васъ; надѣюсь, что основанные на камнѣ Апостольскаго ученія на которомъ основана и сама церковь, вы не соблазнитесь лестію и не отступите предъ страхомъ жестокости. Я не молчалъ изъ страха; я всегда бодрствовалъ на стражѣ и вамъ завѣщаю: будьте осторожны; охраняйте сердца братій вашихъ. Дни мои сочтены, послѣ моей кончины, придутъ къ вамъ лютые волки, которые будутъ соблазнять народъ, но вы противустойте, будьте тверды въ вѣрѣ: это завѣщаетъ вамъ св. Апостолъ Павелъ устами моими. Всемогущій Богъ Отецъ и предвѣчно рожденный отъ него Сынъ, и св. Духъ, отъ Отца исходящій, да научитъ васъ всякой истинѣ и да сохранитъ васъ непорочными». * Таковъ былъ св. Меѳодій, въ его нравственной природѣ, въ мощи и крѣпости своей воли, въ трезвой ясности своихъ воззрѣній и въ своихъ завѣтахъ!

Воеводское званіе и общественное положеніе промѣнялъ онъ на затворничество Аѳонской кельи. Сюда пришелъ къ нему и Кириллъ, оставившій Византійскую столицу и скрывавшійся до того еще въ какомъ-то неизвѣстномъ уединеніи. Стоитъ только вспомнить, до какого низкаго упадка дошла общественная мораль тогдашней Византійской Имперіи, и мы поймемъ, какъ тяжело было этимъ великимъ и нравственно-высокимъ людямъ пребываніе въ тогдашнемъ мірѣ среди всеобщаго мрака и безнравственной морали.

Въ теченіи цѣлаго вѣка до того народная мысль увлечена была въ область интеллектуальныхъ интересовъ—въ борьбу съ иконоборцами и народное чувство витало въ религіозной сферѣ, въ области

---

* Ibid. 208.

чистой морали. Теперь же настали въ обществѣ усталость отъ религіозныхъ дебатовъ. Съ окончаніемъ борьбы — имъ овладѣло холодное равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ такъ долго занимавшимъ умы, которое разрѣшилось еще болѣе глубокимъ упадкомъ нравственной жизни. Общество стало ни тепло, ни хладно къ своей вѣрѣ и сила совѣсти на долго въ немъ уснула. Удовольствіе стало цѣлію жизни; порокъ, прикрываясь невиннымъ именемъ наслажденія, сталъ потребностію общества; суевѣріе было сильнѣе религіи. Наступилъ глубокой упадокъ морали и не только въ высшихъ слояхъ, но и въ средѣ народной. Изъ столицы обыкновенно дающей тонъ и направленіе общественной и народной жизни разносились по Византійской Имперіи самыя мрачныя и ужасающія вѣсти. Императоръ Михаилъ III, развращенный своимъ воспитаніемъ, безсовѣстно ругался надъ всѣми священными для всякаго христіанина чувствованіями и публично смѣялся надъ христіанскою вѣрою своего народа. Введя комедію и фарсъ въ число народныхъ увеселеній, онъ бралъ сюжеты для своихъ маскарадныхъ процессій изъ области христіанскаго обряда — и вотъ по улицамъ Цареграда, для потѣхи Константинопольскаго населенія, идетъ однажды придворный шутъ въ патріаршемъ облаченіи, за нимъ одинадцать Константинопольскихъ епископовъ въ ризахъ, шитыхъ золотомъ, и наконецъ толпа придворной челяди, переодѣтая въ костюмы священниковъ и дьяконовъ—и самъ Императоръ соучавствуетъ въ этомъ кощунственномъ шествіи. Маскарадъ несетъ зажженныя свѣчи, куритъ ѳиміамъ и поетъ стихи, въ коихъ прославляются развратъ и пьянство; на большихъ площадяхъ совершается торжественное причащеніе народа, не кровью и тѣломъ Христовымъ, но уксусомъ и горчицей; причастники щедро надѣляются деньгами отъ Императора и смѣхомъ развращенной толпы негодяевъ. *

Таковъ былъ потокъ—столичной общественной жизни, по обычаю далеко разливавшійся по угламъ и закоулкамъ Византійской Имперіи. Придворные и чиновники заявляли подобнымъ потѣхамъ свое удовольствіе; купцы потирали руки отъ своихъ барышей, доставляемыхъ общественнымъ развратомъ и расточительностію. Темная чернь забавлялась подобными безумствами. Но что должны были чувствовать при этомъ люди съ высокимъ нравственнымъ міросозерцаніемъ, съ глубокими благочестивыми чувствами и честными правилами жизни? Что долженъ былъ переживать при этомъ такой великій человѣкъ, какъ Кириллъ, во глубинѣ своего духа носившій «вѣденіе и

* Ibid. 158.

созерцаніе подобно Григорію Богослову, какъ великое христіанское откровеніе и какъ божественное призваніе человѣчества къ истинѣ? Что должна была чувствовать его душа, уносившаяся къ созерцанію, творчески—вдохновенная, среди этого царства лжи, видя какъ всюду ликуетъ грѣхъ противъ истины, тотъ единственный грѣхъ, который не прощается ни въ сей жизни, ни въ будущей? Что было дѣлать и куда дѣваться Меѳодію, при его высокой и благочестивой настроенности и при его порывахъ къ честности и подвигу нравственной жизни? Спасеніе предстояло одно: бѣжать, уйти скорѣе отъ этого темнаго и развращеннаго міра, скрыться въ самыя уютныя мѣста, какъ можно дальше, на Аѳонъ, въ монастырскія кельи, и тамъ вдали отъ людей посвятить себя самоуглубленію и служенію святой истинѣ. Вы, просвѣщенные мужи науки, знающіе цѣну ученаго кабинета, среди вихрей житейской суеты, лучше чѣмъ кто нибудь, можете постигать тотъ великій интересъ, который наполнялъ ихъ душу въ этомъ уединеніи. Для васъ понятнѣе, чѣмъ для другихъ свидѣтельства ихъ житій, что Константинъ въ это время, посвящая себя молитвамъ «*съ книгами бесѣдоваше*» что Меѳодій братъ его, выполняя требованія монастырскаго устава, «*прилежаше книгамъ*». Можете себѣ представить, какъ должны были подымать ихъ духъ Аѳонскія преданія о подвигахъ Св. Апостоловъ, и тѣ Аѳонскія книги, коимъ они прилежали, открывавшія для нихъ возможность «собесѣдованія», безъ сомнѣнія, съ глубокою Христіанскою древностію. Здѣсь созрѣла и окрѣпла въ нихъ навсегда Апостольская задача ихъ жизни. По крайней мѣрѣ, съ этого времени оба самобрата являются для насъ на поприщѣ миссіонерскихъ подвиговъ среди Славянскихъ народовъ и въ этихъ подвигахъ вечеряютъ дни свои.

И такъ, на нашъ взглядъ, въ Солунскихъ братьяхъ глубокую любовь къ славянству зажгла мать-славянка; идеалы жизни зародила цареградская школа; къ Апостольскому подвигу воззвалъ ихъ Аѳонъ.

Хотя отчасти коснемся ихъ миссіонерской дѣятельности, чтобы видѣть, какими путями провели они въ жизнь свой великій принципъ, среди враждебнаго ему Греко-Римскаго міра и освѣтимъ ихъ миссіонерскіе подвиги съ тѣхъ сторонъ, коихъ наименѣе всего касалась ученая изыскательность.

Миссія св. Кирилла къ Сарацинамъ представляется для насъ не ясною. Неизвѣстно, въ какое время она была и гдѣ жили эти Сарацины. Въ житіи Константина между прочимъ говорится опредѣленно, что они пріѣзжали изъ Сарацинскаго града именуемое Самара, надъ рѣкою Евфратомъ, отъ князя Ахмормумны. Но намъ неизвѣстенъ го-

родъ Самара *надъ рѣкою Евфратомъ*, а сходный по имени Алмамунъ скончался еще въ 833 году, * когда Кириллъ былъ еще ребенкомъ. Но если и была какая нибудь политическая миссія въ Малую Азію, въ которой могъ участвовать и Кириллъ, то для него она представляла другія виды и цѣли. Миссія эта, по видимому, имѣетъ связь съ путешествіемъ его, въ «*Солунскомъ Словѣ*». Кириллъ воспользовался этой миссіей для того, чтобы посѣтить мѣста, освященныя стопами Апостола языковъ, поклониться имъ святынямъ, облобызать Апостольскіе слѣды, вдохновиться для своего также Апостольскаго подвига по распространенію Христова свѣта среди темныхъ славянскихъ племенъ и укрѣпиться въ своей задачѣ, рѣшенной уже разъ навсегда въ Аѳонской монастырской кельѣ. Онъ посѣтилъ Дамаскъ, Кипръ и Критъ, т.-е. тѣ самыя святыя мѣста, гдѣ первоначально выступилъ на поприще проповѣди Св. Апостолъ Павелъ. Какъ вдохновенно воздѣйствовали на него эти св. мѣста, видно изъ того же «*Солунскаго Слова*». Въ Дамаскѣ, гдѣ совершилось чудесное призваніе Апостола языковъ, Кириллъ также возчувствовалъ въ душѣ своей таинственный голосъ, звавшій его на проповѣдь къ Болгарамъ. «Стою я, однажды говорится въ Словѣ отъ его лица, въ Великой Церкви Александрійской Патріархіи и услышалъ я голосъ, изъ алтаря: «Кирилле, Кирилле! Иди въ землю обширную, къ Славянскимъ народамъ, именуемымъ Болгарамъ. Господь велитъ тебѣ обратить ихъ въ христіанскую вѣру и научить ихъ заповѣдямъ». Пришелъ онъ въ родной свой городъ Солунь и повѣдалъ свое намѣреніе митрополиту Іоанну. Но гордый грекъ—митрополитъ не особенно сочувственно отнесся къ его начинанью: «О, старче, отвѣчалъ онъ ему, Болгары людоѣды и они тебя съѣдятъ». Не смотря на эту угрозу, Кириллъ остался вѣренъ своему призванію. Первые Апостольскіе подвиги, по тому же «*Солунскому Слову*» онъ естественно началъ въ той части Болгаріи, которая находилась въ предѣлахъ Византійской Имперіи, въ мѣстахъ ближайшихъ къ его родному Солуню, на берегахъ рѣки Брѣгальницы. Къ этому первому миссіонерскому опыту «*Слово*» относитъ и зарожденіе Славянской азбуки. Кириллъ написалъ, говорится здѣсь, 35 буквъ, но если этому сказанію и можно придавать нѣкоторую достовѣрность, то изъ него же видно, что этотъ первый опытъ не представлялъ надлежащей полноты и законченности Славянской азбуки. Да и вообще этотъ миссіонерскій подвигъ, какъ можно судить по тому же Слову, былъ не продолжителенъ и не сопровождался особеннымъ успѣхомъ.

---

* Ibid 153.

«Я мало чему училъ ихъ, говорится въ томъ же Словѣ отъ имени Кирилла, но они многому сами выучились».

Гораздо для насъ дороже и важнѣе Хозарская миссія Кирилла. Ея исторія есть исходное начало для исторіи побѣды Славянскаго слова надъ предразсудками Греко-Римскаго міра. Здѣсь и истинная колыбель Славянской азбуки и величественные тріумфы ея побѣды.

Миссія эта устроилась по совѣту императора съ патріархомъ; не трудно догадаться, что во главу этой миссіи Кириллъ попалъ благодаря Фотію, который былъ въ это время патріархомъ и который зналъ его, какъ одного изъ даровитѣйшихъ своихъ учениковъ въ Константинопольской придворной школѣ. Но политическая цѣль этой миссіи расходилась съ личными побужденіями и стремленіями Кирилла. Мало вѣроятно, чтобы Императоръ по просьбѣ Хозарскаго хана, въ силу столкновенія интересовъ религіозной пропаганды Хозарскихъ подданныхъ сарацинъ и жидовъ, отправилъ въ Хозарію для состязанія о вѣрѣ человѣка, который на пути долженъ былъ изучать Хозарскій языкъ. Политическая цѣль, по видимому, состояла главнымъ образомъ въ освобожденіи Византійскихъ плѣнниковъ, находившихся во власти хана, что, какъ извѣстно, и достигнуто Кирилломъ, для чего не требовалось отъ него спеціальнаго знанія хозарскаго языка и достаточно было, съ оффиціальной точки зрѣнія, одного переводчика. Но если чисто-политическая цѣль этой миссіи для насъ остается неясною, то вполнѣ очевидно то, что влекло сюда лично самого Кирилла. Какъ воспитанникъ Фотія, извѣстнаго знатока древнѣйшей христіанской письменности и церковныхъ преданій, онъ хорошо зналъ, что въ Херсономъ Таврическимъ связана была послѣдняя судьба св. Климента Римскаго. Онъ зналъ, что этотъ Климентъ, ученикъ и спутникъ Св. Апостола Петра, страдавшій съ нимъ въ Филиппахъ, раздѣлявшій всѣ его труды и опасности, въ 3-й годъ царствованія Траяна, былъ сосланъ сюда за имя Христово; утѣшая сосланныхъ сюда же на рудокопни своихъ собратій по вѣрѣ, онъ продолжалъ свое благовѣствованіе между жившими здѣсь языческими народами, за что и брошенъ былъ въ море съ якоремъ на шеѣ. Для его творческаго воображенія не могли не представлять особенной обаятельности древнія преданія о храмѣ, воздвигнутомъ въ честь его руками Ангеловъ, о чудесныхъ отливахъ моря и необыкновенныхъ явленіяхъ его мощей. Не безъизвѣстно, вѣроятно, было Кириллу и то, что на побережьѣ Чернаго моря въ его время, среди другихъ народовъ, жили и дорогіе для него Славяне. Въ Солунѣ, какъ торговомъ центрѣ, гдѣ онъ любилъ бесѣдовать на торжищѣ съ Славянами, могли

хорошо знать и жителей Черноморскаго побережья. Обозрѣвъ мѣста, освященныя стопами Великаго Апостола языковъ, св. Кириллъ, стремился попасть въ Хозарскую миссію, имѣя въ виду посѣтить Херсонесъ, связанный съ памятію такого дивнаго Апостольскаго мужа, каковъ былъ Климентъ, и собрать о немъ мѣстныя преданія; быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ онъ увидать и тѣ Славянскія племена, о которыхъ могъ слышать въ своемъ родномъ Солунѣ.

Разность этихъ цѣлей при исполненіи Хозарской миссіи со стороны Византійской политики и со стороны самого Кирилла отразилась отчасти и въ разсказѣ его житія. «Повели, Государь, и я пойду пѣшкомъ, босой, безо всего, что Господь запретилъ носить своимъ ученикамъ, такъ говорила его душа, рвавшаяся къ своимъ завѣтнымъ стремленіямъ. Но иначе говорилъ Императоръ, думавшій о церемоніалѣ посольства: «Если бы ты самъ это сдѣлалъ, то конечно это было бы хорошо, но такъ какъ ты долженъ представлять въ своемъ лицѣ царскую державу и честь, то иди честно, съ царскою помощію».

Вотъ почему вмѣсто того, чтобы прямо ѣхать въ Хозарію къ мѣсту своего посольства, Кириллъ оставливается и долго живетъ въ Херсонѣ. Вотъ почему онъ беретъ съ собою и брата своего Меѳодія, *занеже умѣяше языкъ Словенескъ*, такъ какъ изъ другихъ оффиціальныхъ лицъ посольства никто, вѣроятно, не зналъ Славянскаго языка, что для него лично такъ было нужно и такъ было дорого.

Во время пребыванія своего въ южныхъ предѣлахъ Россіи онъ сдѣлалъ два великихъ открытія, имѣвшія громадное значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ дѣла Славянскихъ Апостоловъ.

Послѣ долгихъ разспросовъ, розысканій и изслѣдованій, вслѣдствіе одушевленія, возбужденнаго имъ въ самомъ Херсонѣ, при всеобщемъ содѣйствіи, ему удалось наконецъ отыскать мощи св. Климента и торжественно представить ихъ на поклоненіе народу.

Другимъ не менѣе важнымъ открытіемъ—была находка Псалтыри и Евангелія писанныхъ Русскими письменами. Само собою разумѣется, что и эта находка могла послѣдовать лишь послѣ весьма продолжительнаго обращенія его между Русскими Славянами и послѣ долгихъ разспросовъ и поисковъ. Фактъ этотъ обыкновенно отрицается тѣми, кому по личнымъ цѣлямъ и настроенію не удобно въ него вѣрить. Между тѣмъ онъ встрѣчается безусловно во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ житія Кирилла, дословно, безъ малѣйшихъ измѣненій и, значитъ, относится къ составу первичныхъ его источниковъ. При томъ же съ отрицаніемъ его, многое останется необъяснимымъ въ дальнѣйшей исторіи славянскихъ письменъ: этотъ фактъ, какъ уви-

димъ, имѣетъ въ этой исторіи такое же существенное значеніе, какъ и открытіе мощей Климента. Отвергнуть его окончательно на строго научныхъ основаніяхъ едва ли когда нибудь удастся. Какими именно письменами начертаны были найденныя имъ здѣсь Евангеліе и Псалтирь, о томъ возможны лишь однѣ гаданія; но по всей вѣроятности въ основѣ ихъ лежалъ греческій алфавитъ, восполненный неизвѣстными для него глаголическими буквами. Если Греческій алфавитъ, по сказанію Храбра, употреблялся между Славянами, то на побережьѣ Чернаго моря среди Греческаго населенія, всего естественнѣе было Славянамъ пользоваться, этимъ алфавитомъ, какъ основнымъ для своей грамоты; но такъ какъ по словамъ житія Кирилла, онъ не могъ читать найденныхъ имъ книгъ и искалъ ключа для ихъ пониманія, то въ нихъ по всей вѣроятности этотъ алфавитъ перемѣшивался съ неизвѣстными ему древними глаголическими начертаніями Славянскихъ звуковъ, коихъ нельзя было выразить греческимъ письмомъ; такого рода смѣшанное письмо изрѣдка встрѣчалось и въ позднѣйшихъ рукописяхъ. Иначе сказать, это была та самая азбука, которую за тѣмъ усовершенствовалъ Кириллъ, сблизивъ кругловидныя начертанія глаголическихъ Славянскихъ знаковъ съ квадратнымъ греческимъ письмомъ.

Окончивъ свою личную задачу, увлекшую его въ Хозарскую миссію, Кириллъ, отправился въ стоянку Хозарскаго хана, предварительно въ силу личной своей потребности, ознакомившись въ Херсонѣ съ хозарскимъ языкомъ. Не входя въ его сомнительные дебаты съ жидами и сарацинами, замѣтимъ лишь, что ему удалось въ концѣ концевъ освободить изъ плѣна 200 человѣкъ Византійскихъ плѣнниковъ. На обратномъ пути ему необходимо было вернуться въ Херсонъ, чтобы взять съ собою части мощей св. Климента. По прибытіи въ столицу, Кириллъ представлялся Императору, но не видно, чтобы его миссія завершилась какимъ нибудь Императорскимъ вниманіемъ. Но что всего удивительнѣе, ни открытыя имъ части мощей св. Климента, ни вѣсти о найденныхъ имъ Русскихъ письменахъ, въ Византійской столицѣ не вызвали никакого отзвука. Братъ его Меѳодій, по окончаніи миссіи поселился въ любимомъ монастырѣ Полихронъ, а Кириллъ пріютился въ Царьградѣ при церкви свв. Апостоловъ. Въ это самое время, онъ повидимому, продолжалъ заниматься усовершерствованіемъ найденныхъ имъ Славяно-Русскихъ письменъ, сближая глаголическія начертанія съ греческой азбукой.

Но вотъ наконецъ открылось самое богатое и пространное поле для завѣтной апостольской дѣятельности Солунскихъ братьевъ. На

зовъ Моравскаго герцога Ростислава, по назначенію императора и патріарха они являются въ землѣ Моравской. Всѣ свои силы и труды посвятили они главнымъ образомъ этой славянской странѣ; съ одной стороны они были здѣсь наставниками славянскаго языка, съ другой проповѣдниками христіанской вѣры. Они заводятъ здѣсь школы, учатъ славянскимъ письменамъ, переводятъ богослужебныя книги на славянскій языкъ и заводятъ славянскія церковныя службы. Эта реформа въ странѣ, гдѣ Евангельское ученіе излагалось и всѣ церковныя службы совершались на чужомъ непонятномъ латинскомъ языкѣ, производила на народъ освѣжающее впечатлѣніе и зараждала въ немъ первыя ощущенія самосознанія. Въ житіи Кирилла прекрасно выражено цивилизующее значеніе этой новой реформы: «Богъ же возвеселися о семъ, дьяволъ же постыдѣся». Солунскимъ братьямъ приходилось бороться съ тѣми, въ коихъ вселился этотъ исконный врагъ всего добраго, съ архіереями, іереями и ихъ учениками, которые утверждали, что славянскій языкъ недостоинъ прославленія Бога и что Господь избралъ только три языка, еврейскій греческій и латинскій, на которыхъ слѣдуетъ достойную славу Богу воздати. Вмѣстѣ съ тѣмъ они старались вырвать съ поля крестьянской жизни корни суевѣрныхъ заблужденій и пороковъ, въ селахъ и деревняхъ, и сѣяли въ нихъ сѣмена Божественнаго слова.

Около 4-хъ лѣтъ подвизались братья въ Моравіи и вотъ затѣмъ они отправляются въ Римъ, продолжая на пути горячую борьбу съ пилатниками и тріязычниками.

Не даромъ конечно въ Римъ они привезли не только мощи св. Климента, но и славянскіе переводы священныхъ книгъ, должно быть, Псалтири и Евангелія. Совершенно понятно, почему Римъ съ необычайнымъ торжествомъ и ликованіемъ встрѣтилъ мощи одного изъ первыхъ преемниковъ св. Петра, самимъ апостоломъ избраннаго въ папы. Этими мощами пантеонъ римскихъ первосвященниковъ, начавшій пополняться съ VI вѣка, непосредственно связывался съ вѣкомъ Апостольскимъ. Но какъ объяснить то уваженіе, какое оказали въ Римѣ славянскому переводу св. Писанія и вмѣстѣ славянскому богослуженію? Папа возложилъ этотъ перcводъ на св. алтарь церкви св. Петра, по другимъ же преданіямъ въ церви св. Маріи, иже нарицается Фатань, при чемъ совершена была литургія какъ бы для его освященія. Затѣмъ папа повелѣлъ посвятить Епископамъ Формозу и Гавдерику славянскихъ учениковъ въ пресвитеры, дьяконы и чтецы и вотъ Славянскіе священно-служители совершаютъ литургію на славянскомъ языкѣ въ церкви св. Петра, а на другой день въ церкви

св. Петронилы, на третій въ церкви св. Андрея и наконецъ надъ гробомъ Великаго вселенскаго учителя Апостола Павла. Весь этотъ почетъ оказанный славянскому языку и богослуженію стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ римскимъ правиломъ, освященномъ вѣками, начиная съ VII столѣтія, въ силу коего, какъ мы выше сказали, лишь три языка еврейскій, греческій и римскій считались быть достойными языками церкви. Трудно примириться съ мыслію, чтобы весь этотъ почетъ былъ оказанъ для выраженія признательности Кириллу за принесенныя мощи Климента. Римская церковь не умѣетъ жертвовать своими принципами въ угоду какого бы то ни было частнаго лица или въ уваженіе какого бы то ни было частнаго случая. При томъ же въ Римѣ была цѣлая партія людей, съ епископами во главѣ, которая была открыто недовольна славянскимъ богослуженіемъ; самъ же папа Адріанъ II, при которомъ все это происходило, былъ человѣкъ крайне слабый и нерѣшительный. Едва ли не единственнымъ объясненіемъ такого почета славянскому языку и богослуженію можетъ служить предположеніе, что Солунскіе братья представили Риму славянскій переводъ не какъ свой личный трудъ, а какъ переводъ изстаринный, вывезенный ими изъ той же страны, откуда и мощи св. Климента, изъ среды того же славянскаго народа, которому проповѣдывалъ онъ Христово ученіе. Невольно возникаетъ догадка не были ли священныя книги, Псалтирь и Евангеліе, представленныя ими въ Римъ, написаны тѣми, «Рушскими» письменами, какія нашли они въ южныхъ предѣлахъ Россіи.

Въ дошедшемъ до насъ посланіи папы Іоанна VIII о Славянскихъ письменахъ говорится, что они только вновь *найдены*, вновь *открыты* нѣкіимъ философомъ Константиномъ (*Sclavonicas litteras* a quondam philosopho Constantino *repertas*); въ другомъ же подобномъ памятникѣ употреблено еще болѣе наглядное выраженіе, что они были *найдены (inventas)*; эти выраженія, могутъ быть понимаемы не въ смыслѣ измышленія, изобрѣтенія Кирилломъ новой азбуки, но только въ смыслѣ счастливой находки уже издавна существовавшихъ Славянскихъ письменъ. Лишь въ болѣе позднихъ и притомъ Болгарскихъ преданіяхъ говорится, что святые братья изобрѣтаютъ, измышляютъ письмена, (existimant ᾽ἐξευρίσκουσι). При такомъ воззрѣніи Рима на приведенныя Кирилломъ и Меѳодіемъ священныя Славянскія книги, становится понятнымъ и то уваженіе, какое имъ оказано въ Римѣ. Быть можетъ, это были тѣ книги, по которымъ совершалась служба въ церкви, по Римскимъ же преданіямъ, устроенной въ честь св. Климента потруженіемъ самихъ Ангеловъ; быть можетъ, это были

книги того самаго народа, за проповѣдь коему Христовой вѣры онъ заживо погребенъ былъ въ волнахъ бурнаго Евксина. Такъ могло представляться Риму въ эти восторженныя минуты. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что партія враждебная церковному употребленію Славянскаго слова, во главѣ съ епископами, на это время какъ бы замолкла; папа возлагаетъ Славянскія книги на престолъ св. Петра, какъ бы воздавая новую честь тому же св. Клименту.

Разъ Славянскій переводъ привѣтствованъ былъ въ вѣчномъ городѣ и возложенъ былъ папою на алтарь св. Петра, нельзя уже было потомъ низвести его въ разрядъ языковъ варварскихъ народовъ. Право Славянскаго слова на подобающее себѣ мѣсто въ ряду культурныхъ языковъ разъ на всегда завоевано. Побѣда его надъ предразсудками Греко-Римскаго міра уже совершилась.

Но чествуемые Славянскіе Апостолы не тѣмъ только упрочили въ исторіи успѣхъ своего великаго дѣла, что дали намъ Славянскія письмена и переводы священныхъ книгъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что они оставили по себѣ школу учениковъ, проникнутыхъ ихъ православнымъ міровозрѣніемъ и считавшихъ долгомъ своей жизни неуклонно продолжать столь блистательно начатый ими подвигъ просвѣщенія Славянскихъ народовъ.

Со смертію Меѳодія, гласитъ Болгарское преданіе, ересь высоко подняла свою голову и ликовала, считая слово Меѳодія «*сгнившимъ и умершимъ*». «*Меѳодій еще живъ*» отвѣчали ученики его; онъ духовно съ нами присутствуетъ, онъ съ нами бесѣдуетъ, онъ насъ укрѣпляетъ». Сигналомъ рѣшительной борьбы былъ выдвинутъ догматическій вопросъ объ исхожденіи Св. Духа.

Ученики Меѳодія стояли на основѣ Греческаго ученія великихъ вселенскихъ учителей и заявляли свою вѣру въ Св. Духа, исходящаго отъ Единаго Отца. Ересь проповѣдывала объ исхожденіи Его *и отъ Сына*. Раздѣленіе церквей еще не совершилось, но въ рѣшеніи этого вопроса обозначилось ясно. До какой степени это восточное ученіе было нестерпимо для западныхъ учителей, видно изъ того, что во время преній они зажимали себѣ уши, кричали, и готовы были поднять руки на учениковъ Меѳодія, чувствуя безсиліе своего слова и стремясь подавить несносное для нихъ Греческое ученіе. И какое слово, скажемъ воззваніемъ Болгарскаго преданія, можетъ изобразить то, что сдѣлала затѣмъ злоба противъ восточнаго ученія? Рѣшеніе вопроса совѣсти представлено было Моравскому властодержцу, человѣку, по собственнымъ его словамъ, совершенно чуждому какого бы то ни было пониманія богословскихъ истинъ. На Греческое ученіе

былъ накинутъ политическій характеръ и ученики Меѳодія были выставлены людьми, которые готовятъ возмущеніе и могутъ возстать противъ законной власти. Не трудно догадаться, на чьей сторонѣ, при такихъ постыдныхъ средствахъ, должно остаться побѣда; догматическій вопросъ и дѣло преемниковъ Кирилла и Меѳодія покончили Моравскіе солдаты, которые отвели ихъ въ придунайскіе земли и какъ людей обреченныхъ на вѣчное изгнаніе пустили на всѣ четыре стороны бѣлаго свѣта.

Не будемъ омрачать нашего свѣтлаго настроенія изображеніемъ горнила искушеній ими пережитыхъ въ это время, и чаши страданій, ими испитой и остановимся лишь на болѣе отрадныхъ страницахъ ихъ великой просвѣтительной дѣятельности.

Въ Болгарію устремился духъ ихъ, въ Болгаріи они нашли успокоеніе. Сострадательный князь Борисъ—Михаилъ не только ихъ пріютилъ, но и открылъ полный просторъ для ихъ Апостольскихъ подвиговъ. Въ его тѣлѣ, одѣтомъ въ цареградскую порфиру, жила и душа предрасположенная къ греческому ученію. При подвигахъ учениковъ Меѳодія онъ совершилъ всенародное крещеніе Болгарской страны и опоясалъ ее семью соборными храмами, возжегши въ ней, какъ выражается Болгарское преданіе, какбы семисвѣщный свѣтильникъ христіанства. Скоро наступила потомъ еще болѣе славная Симеоновская эпоха въ исторіи Славянскаго просвѣщенія. И если царь Борисъ, при содѣйствіи учениковъ Меѳодія, крестилъ Болгарію водою и духомъ, то царь Симеонъ насадилъ въ ней греческую образованность, освѣтивъ греческую книгу для своего народа лучами родной мысли и родного слова. И что это были за дивные мужи, эти ученики Кирилла и Меѳодія, просвѣтившіе Болгарскій народъ подвигомъ своей жизни! Вотъ предъ нами Гораздъ, благородный мужъ Моравской страны, знавшій въ совершенствѣ Греческій и Славянскій языки, котораго добродѣтель Меѳодія даровала каѳедрѣ, а злоба еретиковъ, низведши съ каѳедры, лишила ее достойнаго украшенія.

Вотъ предъ нами Климентъ, первый епископъ Болгарскій, котораго самый внѣшній видъ внушалъ къ нему величайшее уваженіе и у котораго была чудная душа, горѣвшая къ Славянской церкви любовью къ ней Кирилла и Меѳодія. При устройствѣ ея онъ не давалъ сна своимъ очамъ и вѣждамъ своимъ дреманія. Дверь его была отверста для всякаго бѣднаго и странникъ не ночевалъ у него за воротами. Онъ былъ новымъ Павломъ для новыхъ Коринѳянъ — Болгаръ. Для неопытныхъ священниковъ онъ составилъ на всѣ праздники поучитель-

ныя слова, простыя и ясныя, понятныя и для самаго простаго Болгарина. Все, чѣмъ украшается церковь, предано имъ своей паствѣ. «Ты любишь правила жизни преподобныхъ отцевъ? Найдешь это обработаннымъ на Болгарскомъ языкѣ премудрымъ Климентомъ. Ты ревнитель пѣснопѣнія—и желаешь изливать благочестивыя чувства? Для тебя написаны имъ въ честь многихъ Святыхъ и Богоматери молитвы и благодарственныя пѣсни. Такъ изображаетъ его предъ нами Болгарское преданіе.

Вотъ новый ученикъ Меѳодія—Константинъ, пресвитеръ Болгарскій, оставившій намъ въ Славянскомъ переводѣ «слова на Аріанъ Аѳанасія Александрійскаго и Сказанія евангельскія въ недѣляхъ всего лѣта» избранныя изъ Златоуста и другихъ отцевъ церкви, съ своими предисловіями и послѣсловіями. Этотъ послѣдній трудъ—замѣчателенъ для насъ и по мыслямъ и чувствованіямъ проповѣдника и по историческимъ указаніямъ, какъ на его собственную дѣятельность, такъ и на состояніе и обстоятельства его слушателей.

За нимъ является на поприщѣ просвѣтительной дѣятельности не менѣе знаменитый ученикъ Меѳодія Іоаннъ Экзархъ Болгарскій; онъ сочиняетъ разсужденія о шестидневномъ твореніи міра, слово на Вознесеніе Господне, и переводитъ на родной языкъ богословіе Дамаскина и его философію и его грамматику. Вслѣдъ за тѣмъ на томъ же поприщѣ выступаетъ Болгарскій пресвитеръ Григорій; онъ перелагаетъ на родной языкъ твореніе Амартола—исторію церковную и гражданскую. Симеоновская эпоха—не даромъ называется золотымъ вѣкомъ Славянскаго просвѣщенія. Самъ «книголюбецъ» царь Симеонъ, избравъ лучшія слова Златоуста для своего народа, издалъ ихъ въ свѣтъ подъ названіемъ «Златоструя».

Мы намѣренно отмѣчаемъ эти творенія, оставленныя намъ школою Славянскихъ первоучителей, чтобы сосредоточиться на мысли о томъ, какъ же долженъ быть богатъ Славянскій языкъ, въ которомъ сразу нашлись термины и слова для выраженія богословскихъ истинъ, выработанныхъ вѣковою жизнію и борьбой Христіанскаго Греко—Римскаго міра!

Знанія историческія, философскія, естественныя, дошедшія до насъ въ переводахъ этой школы представляютъ не менѣе изумительную картину этого богатства и разнообразія родной Славянской рѣчи.

Опасаясь утомить Ваше просвѣщенное вниманіе, я не буду приводить предъ Вами примѣровъ вводящихъ въ сокровищницу этого богатства, но укажу лишь на то, что значеніе этого факта ясно чувствовалось и сознавалось въ средѣ самихъ учениковъ Славянскихъ

Апостоловъ. Славянскій языкъ оказался способнымъ воспринять образованность Греко-Римскаго міра—и Славянскій народъ—поступилъ чрезъ то, въ силу своего историческаго права, въ семью европейскихъ христіанскихъ народовъ. Это сознаніе прекрасно выразилъ Болгарскій пресвитеръ Константинъ, когда говорилъ своимъ слушателямъ: «Не Греци бо точію обогатишася отцемъ симъ (Златоустомъ), но и *Славянскій родъ нашъ, который*, казалось, *уже былъ попранъ всѣми*».

Но всѣ апостольскіе подвиги Кирилла и Меѳодія, всѣ просвѣтительные труды ихъ учениковъ, вся болгарская образованность, созданная ихъ школой, совершились какъ будто для того, чтобы перейти въ душу и исторію славянскаго народа болѣе юнаго, болѣе мощнаго и крѣпкаго, того народа, который искони назывался Русью. Не идея всеславянскаго единства, въ коей ищутъ спасенія другіе славянскіе племена, не политическія страсти, коими движутся иные народы, вызываютъ въ насъ благоговѣйное чествованіе славянскихъ апостоловъ. Ихъ великое дѣло было пережито нами въ нашей собственной исторіи—въ русской мысли, въ русскомъ чувствѣ и русскомъ подвигѣ. Съ каждымъ періодомъ нашей исторіи ихъ образы и лики все ярче и ярче выступали въ общественномъ сознаніи. Ихъ помнила, имъ молилась, ихъ чествовала и Русь кіевская и Русь монгольская и Русь московская.

Во всѣ эти эпохи наша исторія отражала въ общественной жизни разныя стороны христіанства и своимъ прогрессивнымъ движеніемъ обязана лишь славянской грамотѣ и книгѣ, данной намъ славянскими апостолами.

Кіевская Русь—была эпохою познанія христіанства. Я не буду говорить о томъ, что явившаяся къ намъ болгарская письменность—стала основою литературнаго языка, который при воздѣйствіяхъ на него велико-русскаго и малорусскаго нарѣчій, переродился въ самостоятельный *языкъ славяно-русскій*; я не намѣренъ распространяться и о тѣхъ кіевскихъ мужахъ, *хитрыхъ книгамъ и ученію*, которые создавали у насъ новые переводы съ греческаго и положили основаніе кіевской литературно-повѣствовательной школѣ. Я желалъ бы въ данномъ случаѣ остановить ваше просвѣщенное вниманіе лишь на томъ всенародномъ впечатлѣніи, которое произвела на тогдашнее общество—вновь появившаяся, для всѣхъ доступная и всѣмъ понятная *Христіанская книга*, которую можно было и слышать въ храмѣ и читать у себя дома. Я просилъ бы васъ, достопочтенные мужи науки, отрѣшиться на минуту отъ того понятія, которое мы имѣемъ о книгѣ.

Книга—въ то время—была своего рода чудомъ, болѣе изумительнымъ, чѣмъ въ наши дни телеграфы и телефоны. Глядитъ человѣкъ въ книгу—и знаетъ, что было въ минувшіе вѣка, какъ долженъ смотрѣть человѣкъ на самого себя, какъ онъ долженъ жить и дѣйствовать и что послѣдуетъ за его гробомъ. Книга явилась внезапнымъ свѣтомъ, который разомъ далъ почувствовать обществу его нравственную слѣпоту, и съ этой минуты—неграмотный человѣкъ сталъ на Руси—человѣкомъ темнымъ. Книга—это была мудрость, предъ которою казались ничтожными всѣ хитрости языческихъ волхвовъ и мудрецовъ. Книга—это были глаголы самого Бога и кто ее читаетъ, тотъ бесѣдуетъ съ Самимъ Господомъ. Если мы наглядно представимъ себѣ эпическое сознаніе тогдашняго кіевскаго общества, тогда для насъ станетъ ясно, почему христіанство въ тогдашнюю эпоху сказалось—въ образѣ Софіи, въ образѣ мудрости. Безъ сомнѣнія, подъ воздѣйствіемъ этого образа, въ Кіевѣ и Новгородѣ созидаются соборные храмы въ честь св. Софіи. Эти храмы, какъ и святыя книги, давали язычникамъ видѣть, гдѣ является истинная Божественная мудрость. Понятнымъ для насъ становится и то, почему самая Софія—въ древнѣйшемъ ея образѣ писалась въ формѣ «книги», лежащей на престолѣ. Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаніи. Въ этомъ то образѣ «книги»—кроется первый возбудитель русскаго духа къ свѣту и образованію. Онъ—этотъ образъ, увлекалъ любознательную мысль къ списыванію и переписыванію святой и понятной для всякаго книги въ первые годы появленія христіанства на Руси. При такомъ благоговѣніи къ книгѣ, какъ истинной мудрости, естественно ожидать, что кіевская Русь не забудетъ и того, кто далъ ей эту родную книгу, и въ лицѣ его восхвалитъ истинную мудрость. И на нашъ взглядъ, житіе св. славянскаго апостола Кирилла, въ той обработкѣ, въ какой оно дошло до насъ, есть произведеніе кіевской Руси XII вѣка и, по основной своей мысли, есть ничто иное какъ похвала мудрости.

Житіе это написано на основаніи древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ, изъ коихъ нѣкоторые указаны въ немъ самомъ, но авторъ замѣтно пользовался этими источниками, примѣняясь къ основной своей мысли, и бралъ изъ нихъ только то, что относилось къ характеристикѣ Кирилла, какъ философа. Слово на день открытія мощей Климента, которымъ, по собственнымъ словамъ онъ пользовался, какъ теперь уже достаточно доказано, написано въ Херсонесѣ и Херсонитомъ. Прѣнія Кирилла съ хозарами и жидами наполнены притчами и изреченіями, въ такомъ же родѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ

другихъ произведеніяхъ XII в. Встрѣчаются эпическія обороты, бытовавшіе въ языкѣ литературно-повѣствовательной кіевской школы, въ родѣ слѣдующаго: не на всѣхъ ли идетъ дождь и сіяетъ солнышко? или же: *«собрашася, яко враны на сокола» честь дѣдняя внукъ* въ смыслѣ потомка и т. п. Но самымъ главнымъ доказательствомъ русскаго происхожденія житія Кирилла—служитъ внутренняя связь его основной темы съ мудростію, котораябыла выражена въ соборныхъ храмахъ Софіи въ Кіевѣ и Новгородѣ, воплощалась въ иконныхъ изображеніяхъ, и была тѣмъ основнымъ образомъ, въ которомъ мыслилось христіанство въ народномъ сознаніи—въ противоположностъ хитростямъ и волхвованію языческихъ жрецовъ. Вотъ 7-ми лѣтъ Кириллъ видитъ сонъ и разсказываетъ его отцу и матери: видѣлъ онъ, какъ стратигъ собралъ передъ нимъ дѣвицъ и предложилъ ему выбрать себѣ въ подруги ту, которая ему нравится; осмотрѣвъ всѣхъ, онъ замѣтилъ одну, краснѣйшую всѣхъ, съ свѣтящимся взоромъ, украшенную монистами, златомъ и бисеромъ, звали ее Софія—сирѣчь мудрость—и онъ избралъ ее въ подруги жизни. Выслушавъ его разсказъ родители сказали ему: рци же премудрости: сестра ми буди, а мудрость знаему себѣ сотвори, сіяетъ бо премудрость паче солнца; если ты возмешь ее въ подружіе себѣ, то избавишься отъ многаго зла. Въ Солунской школѣ среди своихъ сверстниковъ онъ казался уже «дивомъ». Желая глубины премудрости, на стѣнѣ онъ написалъ похвалу Григорію Богослову и въ ней молилъ онъ его быть своимъ «просвѣтителемъ и учителемъ». Отправляясь въ цареградскую школу, онъ также творитъ молитву ко Господу,—«да дастъ ему вскрай сущую у него премудрость», такую же, какую имѣлъ царь Соломонъ. Вскорѣ проявилъ онъ и обладаніе этою мудростію. Логофетъ спросилъ его однажды: Философе! хотѣлъ бы я знать, что есть философія? Онъ отвѣчалъ ему, хитрымъ разумомъ: философія есть разумѣніе вещей Божескихъ и человѣческихъ и учитъ тому, какъ приближаться къ Богу. Всѣ дальнѣйшія прѣнія его съ агарянами, хозарами и жидами, наполняющія главную часть его житія—представляютъ лишь разнообразныя формы проявленія его мудрости и характеризуютъ его какъ философа, который «сіялъ яко солнце лучами приточными. И такъ, въ главномъ и преобладающемъ содержаніи, житіе Кирилла, въ дошедшей до насъ подробной обработкѣ—на нашъ взглядъ, есть произведеніе кіевской Руси, чтившей христіанство въ образѣ священной книги и покланявшейся ему, какъ Софіи, произведеніе написанное въ похвалу мудрости въ лицѣ того, кто далъ намъ святую—дорогую книгу.

Въ кіевской Руси, какъ и въ средѣ непосредственныхъ учени-

ковъ Солунскихъ братьевъ, ясно чувствовалось и сознавалось, что значило имѣть Богослуженіе на родномъ славянскомъ языкѣ. «И ради быша Словѣни, писалъ Несторъ, яко слышаша величіе Божіе своимъ языкомъ». А Словенскій языкъ и Русскій одно есть.

Въ этомъ его голосѣ для насъ слышится радованіе всей Кіевской Руси. Имя первоучителя было занесено въ святцы Остромирова евангелія: это значитъ, что было и церковное празднованіе въ честь его въ Кіевской Руси. Самое крещеніе Руси преданіе спѣшило связать съ дорогими именами Славянскихъ Апостоловъ. По нѣкоторымъ спискамъ лѣтописей философъ Константитъ учитъ св. Владиміра православной вѣрѣ и вразумляетъ его, показывая ему картину *«страшнаго суда»*.

Иначе сказалось значеніе родной и святой книги для Руси монгольской. Если въ Кіевскую эпоху она пробудила русскую мысль и направила ее къ истинной мудрости, то въ періодъ монгольскій она содѣйствовала развитію въ русскомъ сердцѣ христіанскаго чувства. Явилась сила вражья, сила несмѣтная, сила татарская; подъ нею погибла горделивая, удалая Кіевская Русь богатырская. Тяжелая настала година; среди вѣковой истомы и лютыхъ мученій—хлѣбъ не шелъ въ уста и самая земля возстонала; отцы и матери плакали, зря своихъ чадъ разбиваемыхъ и умерщвляемыхъ; рыдали и чада о разлученіи родитель своихъ; и не бысть помилующаго, ни избавляющаго, ни помогающаго.

Это безъисходное, отчаянное положеніе превосходно выразилъ самъ народъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ:

«За чѣмъ мать сыра земля не погнется,
«За чѣмъ она не разступится?
«Отъ пару было отъ конинаго,
«А и мѣсяцъ—солнце померкнули,
«Не видать луча свѣта бѣлаго.
«А отъ духа Татарскаго
«Не можно намъ крещенымъ живымъ быть».

Со страхомъ и трепетомъ заносилъ на свои хартіи лѣтописецъ описаніе этихъ страшныхъ событій и въ отчаяніи воскликнулъ: о, Господи помилуй!

Горе усиливалось сознаніемъ, что все сіе бысть за грѣхи наши, и гроза и страхъ и трепетъ за беззаконія наша.

Жестокость и грубость враговъ, тяготѣвшая надъ Русью цѣлые вѣка, готова была исказить самую нравственную природу русскаго человѣка.

И если Русь святая спаслась и не погибла, подъ гнетомъ этихъ ужасовъ и отчаянія, если русскій народъ не совершенно загрубѣлъ, и, среди повсюднаго варварства, не одичалъ, не потерялъ человѣческаго образа, то всѣмъ этимъ обязанъ церковнымъ пѣснопѣніямъ, которыя раздаваясь въ понятномъ для него словѣ, прямо падали на душу и смягчали его тяжелыя чувства упованіемъ на силу Божью, наполняли его сердце милосердіемъ Христа, и направляли его къ любьви, состраждущей и соучавствующей въ своемъ ближнемъ. И что въ самомъ дѣлѣ могло пролить на Руси, среди огне-кроваваго ея испытанія, болѣе свѣтлый лучъ надежды, какъ не церковныя пѣснопѣнія, въ родѣ: Съ нами Богъ! «Разумѣйте языци и покоряйтеся яко съ нами Богъ; аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ?» И кто найдетъ вѣрнѣе пути къ успокоенію своей совѣсти, чѣмъ тѣ, которые предлагаются въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ? У всякаго ли достанетъ крѣпости дойти до нравственныхъ истинъ путемъ внутренняго образованія? И что сильнѣе можетъ воздѣйствовать на сердце и возбудить въ немъ сожалѣніе къ страждующему человѣчеству, какъ не духъ церкви, выражаемый въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ? Вотъ почему въ Монгольскій періодъ у насъ появилось такъ много храмовъ. Благодаря богослуженію на родномъ Славянскомъ языкѣ, народъ скоро понялъ, что для той скорби, которой не въ силахъ онъ разсѣять ни въ лѣсахъ темныхъ, ни въ поляхъ чистыхъ, онъ встрѣтитъ утѣшеніе лишь въ святомъ храмѣ, въ моленіяхъ церкви и ея пѣснопѣніяхъ, которыя то возводятъ его на небо, то низводятъ его въ глубину его собственной совѣсти. Въ развитіи церковнаго обряда, церковь въ этотъ періодъ ступала впередъ. Такъ, въ богослуженіе въ честь Бориса и Глѣба введены были пареміи, составленныя въ честь ихъ изъ лѣтописныхъ сказаній; молитвы Кирилла Туровскаго также были внесены въ богослужебный сборникъ Скитскихъ моленій. Не удивительно, если въ это время появилась у насъ и молитва, съ именемъ Кирилла философа, учителя Єловеномъ и Болгаромъ, иже греческую грамоту на русскую преложи, скитскаго покаянія.

Въ этой молитвѣ есть воззваніе ко Господу, «да обратитъ Онъ *поганыхъ въ христіанство*, да и тѣ будутъ наша братія и пріимутъ св. крещеніе, да пощадитъ Онъ *сущихъ въ горцѣй работѣ у зла Государя* и да не осудитъ крестьянъ своихъ въ муку вѣчную». При мысли о злыхъ ворогахъ, износятся изъ сердца немилосердыя имъ проклятія: «буди имъ путь теменъ и ползокъ, и Ангелъ Господень, погоняя ихъ сопнетъ нозѣ ихъ и руцѣ и уста ихъ да заградятся; да возвратятся вся злая на выя ихъ, яже на ны помышляху; буди же на нихъ студъ

и ненависть—въ чести мѣсто, и туга—въ радости и веселія мѣсто; за теплоту же имъ лютая студень и за хладъ огня пламень и угліе горящее въ сердцѣ ихъ; да будетъ же имъ страхъ и трепетъ—въ храбрости и ярости мѣсто; да обрушится на нихъ стѣною злоба ихъ и *пади на нихъ тьма не просвѣтимая*». Но среди этихъ ветхозавѣтныхъ зложеланій заклятымъ ворогамъ, въ этой же самой молитвѣ сказывается и глубоко-христіанское любящее и всепрощающее сердце. «Дайже, Господи, милость всѣмъ, иже ненавидятъ меня, или поругаютъ ми ся, или укоряютъ мя и иже всегда творятъ мнѣ зло; призри на вся враги моя, сотвори я свѣтлы и кротки, да поживутъ всегда въ смиреніи; и посли имъ благодать свою и вѣчной славы сподоби я. «Но всего поразительнѣе въ этой молитвѣ выражена христіанская любовь, сожалѣющая, состраждущая, та любовь, которая составляетъ существенную черту евангелія и самый духъ Христовой церкви. «Помяни Господи вся крестьянскія грады и *совокупи ихъ,* милостивый Боже! Помяни всѣхъ плавающихъ по водѣ и въ путѣхъ ходящихъ и всѣхъ страждующихъ подобнымъ дѣломъ. Помяни, Господи, всякую нищету, сиротъ и вдовицъ, печальныхъ и плачущихъ и жаждущихъ. Помяни Господи одержимыхъ тяжкими болѣзнями и люто скорбящихъ и сердцемъ болящихъ и уязвленныхъ стрѣлами грѣховными. Помяни Господи сущихъ въ изгнаніи и въ заточеніи и въ горцѣ работѣ у зла Государя пребывающихъ. Помяни Господи нагихъ и голодныхъ, неимущихъ промысленника никакого же, но ты самъ, Господи буди имъ промысленникъ и утѣшитель; излей каплю въ сердца ихъ изъ Твоего животворящаго Духа, да будутъ ею услаждаеми, славяще Твою благостыню да *не въ худъ истлѣютъ!*

Молитва эта составлена на основаніи одной изъ молитвъ Кирилла Туровскаго и вполнѣ выражаетъ тѣ христіанскія чувства, которыя народились въ русскомъ сердцѣ благодаря воздѣйствію церковныхъ пѣснопѣній—въ эпоху злаго господства заклятыхъ вороговъ. Только родное Славянское слово, ихъ воплощавшее, могло прямо и непосредственно переливать въ душу подобныя чувства и создавать въ грубыхъ язычникахъ христіанское сердце.

Молитва эта въ другихъ спискахъ надписывается именемъ Златоуста, но для насъ всего важнѣе то, что наравнѣ съ авторитетомъ этого Великаго Отца и Вселенскаго Учителя—ставился у насъ и авторитетъ Славянскаго Апостола, и русская молитва усвоялась не только Златоусту, но и св. Кириллу.

Въ эпоху Монгольской Руси имена Славянскихъ Первоучителей

также, какъ и въ Кіевскій періодъ, заносились въ святцы и значит[ь] имъ, совершалась служба.

Но если въ эпоху монгольскаго ига, Славянская священная книга перелила въ народное сердце христіанскія чувства и воспитала его въ упованіи и любви, сожалѣющей и состраждущей, то въ эпоху Московской Руси она научила народъ аскетическому подвигу. И если тогда имѣли главное значеніе Славянскія пѣснопѣнія, то теперь выступили съ преобладающею силою «Житія святыхъ». Уроки практическаго Христіанства въ этихъ послѣднихъ для грамотнаго люда предлагались въ самыхъ опытахъ и дѣйствовали на воображеніе. Правила, кои въ отвлеченномъ видѣ могутъ понимать лишь только немногіе, привыкшіе къ разсужденію, здѣсь представлялись со всею увлекающею силою въ живыхъ примѣрахъ. Въ темныхъ лѣсахъ и дебряхъ, среди финскихъ населеній, появились носители вѣры, и даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не ступала нога человѣка. Съ молитвой на устахъ и крестомъ въ рукахъ—эти отшельники—выступили противъ лѣшей силы, обитавшей въ тѣхъ мѣстахъ и пугавшей народъ своими страхованіями. Выстроивъ часовню и келью они своими подвигами стягивали разрозненное населеніе, своими порядками обучали ихъ правильнымъ формамъ гражданственности и своими книгами вносили въ нихъ свѣтъ христіанской истины. Эти отшельники не были Восточные анехореты въ родѣ древнихъ ферапефтовъ, это были большаки—настоятели и устроители безженнаго общиннаго хозяйства. Пустыни, бывшія прежде жилищами бѣсовскими, наполнялись градами, какъ выражается церковь, богоподобными и душеполезными. Я не буду распространяться объ ихъ значеніи для Русской колонизаціи и культуры. Замѣчу лишь только то, что это были нравственно—властныя общины сослужившія громадную службу Московскому Государству. Не даромъ Дмитрій Донской, какъ государь мудрый, цѣнилъ значеніе этихъ людей и со многими изъ нихъ стоялъ въ связи и дружбѣ, бесѣдовалъ съ ними на единѣ, и такъ долго, что даже придворные дивились. Глухія населенія, на окраинахъ Руси, съ благоговѣніемъ глядя на этихъ свѣтильниковъ, съ уваженіемъ относились и къ Московскому Самодержцу,—и вмѣстѣ съ ними душею тянули къ Москвѣ. Сѣверная земля наполнилась Русскими виѳаидами и создалась за тѣмъ Русская агіобіографія, дорогая не только для исторіи нашего нравственнаго напряженія, но и для разумѣнія помысловъ и чувствъ древнерусскаго общества. Дѣтская вѣра простодушныхъ людей установила особенныя благоговѣйныя отношенія между обителію святаго и окружающимъ ея населеніемъ. Къ чудотворному гробу приносили свои

тѣлесные и душевные недуги, люди всѣхъ сословій тогдашняго общества и всѣ подобные лица являются людьми, нуждающимися въ духовномъ руководительствѣ и авторитетѣ. Хорошо было въ тогдашнемъ монастырѣ изучать общество, изъ котораго постоянно приливали сюда самые интересные въ психологическомъ и общественномъ отношеніи представители его; какія интересныя черты духовной жизни того времени можно уловить, прислушавшись у чудотворнаго гроба къ простодушной откровенной исповѣди, какую творили, кланяясь предъ гробомъ или какая нибудь крестьянская жена или земледѣлецъ! И житейскія несчастія и думы вѣрующей души, и самые некрасивые нравственные недуги и матеріальныя грубыя желанія,—все это вскрывалось предъ гробомъ чтимаго подвижника, все это повергалось предъ нимъ, возлагалось на его дерзновеніе къ Богу и молитвы. Кто умѣетъ не презирать психологической жизни на первыхъ ступеняхъ ея развитія, тотъ въ этихъ краткихъ повѣстяхъ о чудесахъ уловитъ не одну сокровенную черту нравственнаго облика древне-русскаго человѣка и подмѣтитъ не одну главную основу духовной жизни древнерусскаго общества. Таково значеніе въ Русской исторической жизни—отшельничества, какъ нравственнаго подвига и повѣстей о Русскихъ чудодѣйственныхъ мужахъ.

Благодаря политическимъ событіямъ на востокѣ—Флорентинской уніи и паденію Царяграда—сонмъ многочисленныхъ св. пустынниковъ и вѣра въ нихъ народа развили убѣжденіе, что Русь есть наслѣдница греческаго православія: «два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть».

При всѣхъ этихъ церковно-историческихъ событіяхъ—имена славянскихъ апостоловъ не могли быть забыты. Но они должны были представляться уже въ иныхъ ликахъ, чѣмъ въ кіевской и монгольской Руси. Намъ извѣстенъ одинъ образъ съ надписаніемъ на немъ: «Соборъ Русскихъ святыхъ». Въ ряду Русскихъ ликовъ на первомъ мѣстѣ здѣсь начертаны лики Кирилла и Меѳодія. Они такимъ образомъ являются въ сознаніи московской Руси, какъ начаlовожди нравственнаго пустыннаго подвига. Въ четь-минеяхъ макарьевскихъ, имѣвшихъ задачей совмѣстить все греческое наслѣдство, усвоенное славянскимъ міромъ, собрать всѣ книги, чтомыя на св. Руси, помѣщены были и житія славянскихъ апостоловъ.

Кромѣ извѣстныхъ уже списковъ ихъ житій, въ настоящее время, вновь открыто въ разныхъ монастыряхъ и пустыняхъ—не мало другихъ — подобныхъ списковъ. Въ Сборники заносились «Притчы Св. Кирилла», изъ коихъ нѣкоторыя были уже знакомы «Даніилу

Заточнику». Въ «подлинникахъ» указывались образы написанія ихъ святыхъ ликовъ. Во множествѣ святцевъ означалось празднованіе имъ съ краткими ихъ житіями. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ разныхъ сѣверно-русскихъ монастыряхъ и пустыняхъсовершалось въ честь ихъ богослуженіе.

Но вотъ наступила эпоха обновленія русской жизни при посредствѣ усвоенія западной образованности. Церковныя исправленія произвели въ народныхъ массахъ смущеніе умовъ—и образовался церковный расколъ. Расколъ сталъ за старый обрядъ, за старую книгу и букву. Покойный нашъ исторіографъ С. М. Соловьевъ—съ благоговѣніемъ произношу самое имя — въ этомъ зарожденіи старообрядства усмотрѣлъ крѣпкій народный устой, говорившій историку, что русскій народъ способенъ былъ воспринять въ себя самостоятельно эту западную образованность, и что она не въ силахъ была подавить его и обезличить. Весь XVIII вѣкъ былъ лишь блистательнымъ подтвержденіемъ взгляда незабвеннаго исторіографа.

Верхній классъ общества, оторвавшійся отъ историческихъ преданій, во внѣшнемъ и внутреннемъ укладѣ жизни, оказался не столько русскимъ, сколько иностраннымъ. Русское слово было изгнано изъ знатныхъ покоевъ и предоставлено было лишь служащимъ людямъ. Древне-русская письменность была забыта и вся любознательность была направлена къ иностранной литературѣ.

Но среди этихъ людей, которые отъ насъ вышли, но съ нами не были, въ кругу ученаго міра шла серьезная и неутомимая работа русской мысли, самостоятельно усвоявшей западную образованность. Создалась на Руси строгая наука; развилась литература и наконецъ русское слово въ нашъ вѣкъ творческимъ геніемъ возведено было въ перлъ художественныхъ созданій.

Рядомъ съ этимъ процессомъ научнаго и литературнаго развитія — шло иное теченіе русской мысли въ письменности раскола. Отстаивая историческую законность своего существованія, онъ не переставалъ носить уваженіе къ памятникамъ древней Руси и основывалъ на нихъ свои условныя мнѣнія и обряды.

И вотъ мы встрѣчаемся съ любопытнѣйшими фактами въ новѣйшей исторіи Русской литературы. Открывается «Изборникъ Святославовъ» и графъ Румянцевъ и Карамзинъ и Оленинъ и другіе ученые этому открытію радуются, а между тѣмъ этотъ самый Изборникъ—упомянутъ былъ въ Поморскихъ отвѣтахъ» еще въ 1722 году поданныхъ Св. Синоду, гдѣ прямо указано было и то, въ какомъ мѣстѣ онъ хранится. Отыскиваются въ наше время въ Патріаршей Библіотекѣ такъ

роизвольно названныя «Поученія на воскресные дни Константина пресвитера Болгарскаго, а между тѣмъ онѣ упоминаются въ старообрядческомъ «сочиненіи о разнствахъ древней и новой церкви» первой половины XVIII в., гдѣ приведено и древнее заглавіе этого памятника. «Сказанія Евангельская въ недѣляхъ всего лѣта».

Православная Русская церковь робко ступала впередъ и легко поддавалась въ своихъ узаконеніяхъ государственному направленію. Въ виду указанныхъ теченій жизни не удивительно, если въ теченіи всей новой исторіи—имена Славянскихъ Первоучителей были выключены изъ святцевъ и богослуженія въ честь ихъ не совершалось. Лишь въ старообрядствѣ, продолжавшемъ писать и переписывать свои книги Кириловскимъ уставомъ и полууставомъ—хранилась ихъ память и заносима была въ святцы и подлинники.

Съ развитіемъ историко-археологическихъ интересовъ въ текущемъ столѣтіи и съ пробужденіемъ Славянскаго самосознанія — русская мысль вновь обратилась къ изобрѣтателямъ Славянской азбуки— и вотъ святые Апостолы Кириллъ и Меѳодій—въ наши дни стали у насъ предметомъ строгой науки и мы теперь уже можемъ сказать, что не только нигдѣ не сохранилось такого множества списковъ ихъ житій, какъ у насъ на св. Руси, но и не въ одной странѣ нѣтъ такого богатства капитальныхъ трудовъ о нихъ, какимъ располагаетъ Русская наука.

Святая и православная отца и учителя! свыше силу подадита намъ, да любовь вашу лобызающе, достойніи наслѣдницы труду вашю обрящемся.
